

Сергей Беликов вновь появился на центральных площадках советской эстрады. Это не привлекло ничьего внимания, не вызвало газетных публикаций и телеинтервью. Как будто не было огромной популярности в конце 70-х и нескольких лет безвестности потом. Как будто много в нашей популярной музыке певцов романтических, искренних, одухотворенных. И словно на каждом шагу встречаются артисты, которые вопреки конъюнктуре не изменяют себе...

Беликов никогда никуда не пробивался. Всегда пел песни, к андеграунду не относящиеся, что называется «про любовь». Было вполне официальное признание, огромная популярность у «простого слушателя». Единственное и главное, что его отличало от множества солистов, — талант, который угадывался в исполнении даже самых банальных вещей. Нравился его голос — высокий, немного наивный и красивый. Плюс абсолютно совпадающий с характером голоса сценический образ. Правда, меломаны тогда серьезно рассуждали, что Сереже под силу и жесткие хардрокерские вокальные партии в «перпловском» стиле, и мечтательно вздыхали.

Но рок, как его понимали тогда (да, наверное, и теперь), Беликов петь не стал, хотя возможность такая представилась. Группа «Аракс», в которой певец работал, сохранив богатое звучание, стала играть действительно более жесткую музыку, а Сергей Беликов после такого обновления... ушел в стремительно терявшие популярность «Самоцветы».

Почему? У него было вполне ясное представление, что ему петь, как петь. И не хотелось меняться только потому, что рок вошел в моду. Тем более руководитель «Самоцветов» Юрий Маликов очень нуждался в таком солисте, как Сергей. Он уверял, что симбиоз его коллектива (ВИА) и певца Беликова произведет переворот не только в творчестве «Самоцветов», но и в судьбе самого артиста. К сожалению, случилось лишь

Бег по дальней дорожке

второе. То есть сначала все было нормально. Сергей солировал на концертах группы почти целое отделение, интерес к «Самоцветам» благодаря его приходу резко возрос, а затем... Затем, видимо, было решено, что не ВИА для человека, а человек для ВИА. Не понравилось, наверное, что ходят «на Беликова», а сама группа и имя ее «хозяина» как бы в тени. Словом, амбиции взяли верх над здравым смыслом... И звезды стали просто задвигать обратно, благо сплоченным да еще творческим коллективом сделать это было довольно легко. В общем, усилиями коллег талантливый певец был отстранен от творчества, оказался в «ауте». Четыре года в «Самоцветах», конечно, были ошибкой. Сегодня Сергей может говорить об этом спокойно — мы расположились в тихом дворике у «Мелодии» на улице Станкевича. У Беликова здесь сегодня запись, а значит, дела идут неплохо. А тогда он хотел все бросить к черту и с сожалением вспомнил о несостоявшейся карьере футболиста — ведь звали когда-то в дубль «Локомотива». В спорте хоть все ясно: играешь хорошо — тебя

ценят, не тянешь — никто держать не станет. А тут... И все-таки он остался на эстраде. Ушел от Маликова и пропал. Пропал для столичных эстрадных подмошков, для телевидения и журналистов. Это был не демарш. В той драматичной для любого артиста ситуации Беликов нашел единственно правильное решение — он начал с нуля, устроился в периферийную филармонию, набрал полупрофессиональных музыкантов. Нужно было время, чтобы собраться с мыслями. В Москве этого сделать было нельзя — мешал бюрократический механизм деятельности центральных концертных организаций. Сергей стал работать над репертуаром, искать свою новую песню. Одновременно занимался с музыкантами группы, подтягивал их к хорошему уровню. В общем, была привычная, кропотливая работа. Все это продолжалось два года: гастроли по стране, концерты. Его вспомнили композиторы, стали предлагать материал. И вдруг «выстрелил» на всю страну «Родник» Вячеслава Добрынина. Снова записи на Всесоюзном радио, съемки на телевидении. Через год новый успех — «Снится мне де-

ревня». И опять радио, телевидение, участие в центральных ту-совках... И все. Дальше его «раскручивать» не стали. Скажете, странно? По-моему, нет. Опять не по душе пришлось независимость солиста: предложили ему петь попроще, традиционную шлягерную музыку — он отказался. Намекнули, что публика-дура хочет других песен и других ритмов, — он не понял. Зато люди, которые у нас «делают» эстраду, сразу смекнули, что от Беликова большого проку не будет (не для эстрады, а для них). Что «бабок» на нем особых не заработаешь, что не из этой он эстрады, которую ковали столько лет наши замечательные композиторы популярной музыки и ее радио- и телередакторы. И оставили Беликова в покое.

Как оставляют в покое? Очень просто. Приносит исполнитель на телевидение новые вещи — слушают, кивают, хорошо, говорят, интересно. Только знаешь, говорят, не можем мы теперь записать это — дел по горло, приходи через месяц. А потом еще через месяц, а тут и отпуск у редактора. А раньше, когда пытались с исполнителем по-человечески отношения строить, было по-другому. Звонит ему композитор: «Сережа, зайди на телевидение, покажи там нашу новую работу». — «А ели...» — «Да все нормально». — «А ничего, что...» — «Сережа, иди». И записывают эту песенку на телевидении, почти не слушая, сразу, без раздумий. А телевидение, напомним, главный рычаг в создании и поддержании популярности отечественных звезд, к сожалению, самый эффективный рычаг.

Обо всем этом Сергей рассказывает спокойно. Раньше, говорит, волновался, нервничал, а теперь понял — чего дергаться-то? Плетью обуха, как говорится... «Я не знаю, как все это изменить, пока у нас будет одно телевидение, одна «Мелодия». До тех пор и эстрада останется «на одно лицо». Ведь надо быть слепым, чтобы не видеть это дикое количество групп, которые не умеют играть — а им везде дают карт-бланш. По-моему, все просто. Средненький уровень эстрады выгоден чиновникам — средними музыкантами легче манипулировать». Вообще, по мнению Сергея, хамство на эстраде в почете. Не музыкант, а такой добытчик в искусстве. Беликов так не умеет и не хочет. Нормальный человек у нас не пробьется никогда,

говорит Сергей, потому что эти люди (те, кто формирует эстраду) за версту видят «своих» и «чужих». Когда серая эстрада, не видно, что у ее кормила стоят еще более серые, некомпетентные люди. Которым наплевать на искусство. Которых волнуют только свой карман и собственное здоровье. И конечно, зрителя надо соответственно подготовить, то есть оболванить — что и сделано успешно. И западную музыку у нас запрещали, чтобы сравнить не с чем было. Это же ясно. Может быть, и резок Беликов, но лично я с ним согласен. Попадают на нашей эстраде и понастоящему талантливые люди, но нельзя забывать, что уровень любого искусства определяется уровнем его среднего звена. Замелькает в «Утренней почте» новое лицо, а ощущения, что появилось новое имя в развлекательной музыке, нет. Будто занял новый исполнитель стандартную, запрограммированную ячейку, из которой предварительно благополучно вывалился его предшественник. И ячейки эти раздает чья-то могущественная рука, как в награду.

Хотелось мне найти в Сергее что-то, показывающее его этаким борцом, непризнанным талантом, страдающим от темных сил советской эстрады. И не выходило это у меня. «Творческий кризис? Все уже прошло, хочу просто спокойно работать, делать то, что умею... Популярность? У меня свой зритель, и залы я полные пока собираю. Попробовать еще раз подняться на самую вершину? Не выйдет уже, наверное: мне ведь тридцать пять». Я пытался спорить: мол, все говорят, что эстрада у нас никудышная, музыка примитивная, играть не умеют... И никто не пытается бороться, все «делают свое дело». Он смотрит спокойно, пожимает плечами и вдруг говорит: «Мне всегда казалось, что в этом марафоне (ну, на эстраде) меня все время выталкивают на большую дорожку. Хочу сойти с нее и не могу. Сам даже не знаю почему. Не хочется толкаться за место под солнцем. Нет такого уж дикого желания прийти на финиш первым. Не это ведь главное — важно всю дистанцию пробежать красиво, достойно...»

На большую эстраду вернулся Сергей Беликов. Именно вернулся, занял не чье-то, а свое место, пустовавшее несколько лет.

Николай Фохт.